УДК 811.511.14
DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-1-112-124

Параметрическая модель залога в обско-угорских языках

Н. А. Муравьёв
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация,
nikita.muraviev@gmail.com

Д. О. Жорник
Институт языкознания РАН,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация,
daria.zhornik@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье рассматривается залог в обско-угорских языках: севернохантыйском и северномансийском. Функционирование залога в них принято описывать в терминах семантических ролей и информационной структуры. Такой подход, однако, обнаруживает целый ряд исключений и случаев, требующих дополнительного объяснения.

Цель: описать параметры выбора залога и их взаимодействие, выявить сходства и различия в выборе залоговой конструкции в исследуемых языках.

Материалы исследования: полевые данные казымского диалекта хантыйского языка и верхнелозьвинского диалекта мансийского языка, собранные авторами у информантов, а также текстовые материалы по рассматриваемым диалектам из корпусов.

Результаты и научная новизна. В статье предлагается параметрический подход, учитывающий не только информационную структуру, но и другие параметры: одушевлённость, референциальный статус, волитивность и затронутость. Основной вывод состоит в том, что выбор залога зависит от салиентности участников, определяемой через сумму значений параметров: если наиболее салиентым участником является агенс, используется активный залог, иначе – пассивный залог. Новизна подхода заключается в том, что он позволяет адекватно описать все основные случаи, выбивающиеся из общепринятой информационно-структурной трактовки.

Ключевые слова: обско-угорские языки, пассивный залог, типология, полевая лингвистика, информационная структура, салиентность

Благодарности: исследование поддержано грантом РНФ № 19-78-10139 “Аргументная структура, залог и актантная деривация в языках Западной Сибири”, 2019-2022, рук. Д. А. Рыжова.

Для цитирования: Муравьёв Н. А., Жорник Д. О. Параметрическая модель залога в обско-угорских языках // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 1. С. 112–124.

Parametric model of the voice in the Ob-Ugric languages

N. A. Muravyov
National Research University “Higher School of Economics”,
Moscow, Russian Federation,
nikita.muraviev@gmail.com

D. O. Zhornik
Institute of Linguistics of the Russian Academy Sciences,
National Research University “Higher School of Economics”,
Moscow, Russian Federation,
daria.zhornik@yandex.ru

ABSTRACT

Introduction: the article considers the voice in the Ob-Ugric languages: Northern Khanty and Northern Mansi. The choice of voice in these languages is usually described in terms of semantic roles and information structure. Such an approach has shown to produce multiple exceptions and questions, which require further investigation.

Objective: to describe the choice of voice, at the same time highlighting similarities and differences between the systems found in the two languages.

Research materials: field data from Kazym Khanty and Upper Lozva Mansi gathered by the authors as well as corpora from the same dialects.

Results and novelty of the research: this paper provides a parametric approach, which includes not only information structure, but also other factors: animacy, referentiality, volition and affectedness. The main conclusion is that the choice of voice is based on the participants' salience, which is defined by the sum of the abovementioned parameters. If the Agent is more salient, active is used. Otherwise, passive is used. This model allows us to correctly describe the majority of examples previously claimed to be but exceptions.

***Key words*:** Ob-Ugric languages, passive voice, typology, field linguistics, information structure, salience

Acknowledgements: the research was funded by the RSF grant № 19-78-10139 "Argument structure, voice and valency-changing derivations in languages of Western Siberia", 2019–2022, under the guidance of D. A. Ryzhova.

For citation: Muravyov N. A., Zhornik D. O. Parametric model of the voice in the Ob-Ugric languages // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2023; 13 (1/52): 112–124.

Введение

Пассивный залог в обско-угорских языках представляет собой особый вид пассивной конструкции, в которой весомую роль играет информационная структура высказывания (далее – ИС), но, важными оказываются и другие параметры: референциальный статус, одушевлённость, волитивность и затронутость участников. Общепринятый подход к залогу исключительно в терминах ИС с опорой на семантические роли и синтаксические позиции порождает ряд проблемных случаев, выходящих за рамки современных представлений о пассиве.

Обско-угорский пассив: постановка задачи

Залоговые конструкции представляют большой интерес для типологии, ср. недавняя монография F. Zúñiga, S. Kittilä [35] и статья S. Luraghi, G. Inglese, D. Kölligan [28]. В частности, широко обсуждается пассивный залог [1; 4; 5]. Под пассивным залогом понимается маркируемая в глаголе косвенная диатеза, при которой пациенсу соответствует синтаксическая позиция субъекта, а агенс не выражен или стоит в позиции косвенного объекта [30, 3]. Структурно обско-угорский пассив вписывается в это понимание, ср. актив (1) и пассив (2).

ХАНТЫЙСКИЙ

(1) *waśa-j-en* *maša-j-əλ* ***λăpət-s-əλλe***
Вася-EP-POSS.3SG Маша-EP-POSS.3SG кормить-PST-3SG.SG
'Вася накормил Машу'.

(2) *maša-j-en* *(waśa-j-əλ-ən)* ***λăpət-s-a***
Маша-EP-POSS.2SG Вася-EP-POSS.3SG-LOC кормить-PST-PASS[3SG]
'Маша была накормлена Васей'.

Однако по своему употреблению пассив в хантыйском и мансийском существенным образом отличается от индо-европейских аналогов. Его основной функцией является поддержание дискурсивного топика в терминах Т. Гивона [22], которое происходит посредством смещения из позиции субъекта нетопикального участника и продвижения на его место участника, соответствующего роли основного топика [2; 20; 26]. Так, в позицию субъекта при пассиве в (3) помещается говорящий, а в (4) – 'невестка', так как оба участника являются топиками в предшествующем контексте.

МАНСИЙСКИЙ

(3) ***kwāl-tt-uwe-s-um*** *ruє* *piγ-na*
встать-CAUS-PASS-PST-1SG русский сын-LAT
'(Сегодня утром я рано встал.) Русский парень меня разбудил[1]'.

ХАНТЫЙСКИЙ

(4) *wǫntəp* *ime-λ-ən* ***ănt*** ***εsəλ-λ-a***
свекровь женщина-POSS.3SG-LOC NEG пускать-CAUS-PASS
'(Как только вечер наступает, невестка начинает выделывать жилы) Свекровь ей не разрешает[2]'.

[1] Сев. манс. корпус: «Мой день», 2

[2] Сев. хант. корпус : «Женщина, выделывающая жилы», 4

Тем не менее такая трактовка обско-угорского пассива оказывается проблематичной в целом ряде контекстов. Так, в (5) референт ‘кто’ не является топиком: он неизвестен говорящему и находится в фокусе частного вопроса. Не является топиком и участник ‘Маша’ в (6), в то время как топик ‘ветер’ выражен лишь в косвенном дополнении при пассиве. Также не является топиком ‘кто-то’ в (7) с одноместным глаголом *maŋənməti* ‘задремать’,

МАНСИЙСКИЙ

(5) *ti* *pasan* *xot’ut* ***jowt-əs***
этот стол кто купить-PST[3SG]
‘Кто купил этот стол?’

ХАНТЫЙСКИЙ

(6) *wot-ən* *maša-jen* ***iλ*** ***pă̆wət-s-a***
ветер-LOC Маша-POSS.2SG вниз уронить-PST-PASS[3SG]
‘(Кого сбил ветер?) Ветер сбил Машу’.

(7) *xujat* ***maŋənmə-s-i***
кто.INDEF задремать-PST-PASS[3SG]
‘Кто-то задремал’.

Такие примеры побуждают нас предположить, что функционирование обско-угорского пассива зависит не только от ИС, но и от ряда других параметров, таких как одушевлённость и референциальный статус. Следовательно, необходим иной взгляд на обско-угорские залоговые конструкции, который бы учитывал все релевантные параметры и был применим к случаям, которые выбиваются из типологических представлений о пассиве и из принятой для обско-угорских языков ИС трактовки.

Обско-угорскому залогу посвящён большой объём литературы. В работе U. M. Kulonen [26] пассивные конструкции классифицируются по типам предикатов и продвигаемым участникам, ср. также [6; 13]. В диссертации В. Н. Соловар [12] применяется парадигматический подход к структуре хантыйского предложения, исчисляющий многообразие конструкций по семантическому классу глаголов, количеству участников и их ролям. Статья В. Н. Соловар [11] посвящена отдельно пассивизации непереходных и некоторых переходных стативных предикатов, выделяя нестандартные контексты использования пассива. Ряд исследователей [2; 19; 20] анализирует употребление пассива в терминах ИС и топикальности, опираясь преимущественно на понимание топика в терминах K. Lambrecht [24]. Так, в работе É. Kiss K. [19] говорится о понижении нетопикального участника, сопровождаемом повышением топикального участника, тогда как U. M. Kulonen [26, 71] обращается внимание на несоответствие роли агенса и основного топика высказывания. В статье Е. К. Скрибник [10] анализ мансийских пассивных конструкций производится в похожих терминах, но вместо понятий топика и фокуса автор оперирует такими терминами, как тема (первого и второго ранга) и рема. В исследованиях по мансийскому языку, ср. [8], принят термин “субъектно-пассивное спряжение”, ставящий пассив в один ряд с активными субъектным и субъектно-объектным спряжениями. В [17] материал ряда западносибирских языков и, в частности, хантыйского рассматривается в рамках Лейпцигской формальной модели информационной структуры.

Материалы и методы

Наше исследование проведено на полевом и корпусном материале обско-угорских языков: северохантыйского языка (казымский диалект) и северномансийского языка (верхнелозьвинский диалект), которые мы будем для краткости называть, соответственно, хантыйским и мансийским.

Полевые данные хантыйского языка собраны в с. Казым Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Также были использованы данные дистанционного опроса тех же носителей. Полевые данные мансийского языка были получены во время экспедиций в д. Ушма Ивдельского района Свердловской области в 2017–2019 гг., а также в ходе дистанционной работы с носителями того же диалекта. В качестве текстовых источников для хантыйского языка был использован Северохантыйский корпус[1] устных нарративов объёмом 42174 словоупотребления. Для мансийского

[3] Корпус текстов на хантыйском языке общим объёмом в 42174 словоупотребления, разработанный Е. В. Кашкиным в рамках программы фундаментальных исследований президиума РАН «Корпусная лингвистика» (2012–2014 гг.).

языка используемый корпус составляет около 50 000 словоупотреблений (см. вкладку “Корпус” на сайте https://mansi.pro/). Примеры приводятся в стандарте финно-угорской транскрипции [25] и сопровождаются поморфемным глоссированием. Примеры, при которых не указана ссылка на источник, взяты из полевых материалов авторов.

Методом исследования является синтез анкетирования, а именно опроса носителей языка с переводом стимульных предложений с русского на исследуемые языки и оценкой приемлемости хантыйских стимулов, и квалитативного анализа контекстов, представленных в корпусах.

Результаты

Обзор модели

До сих пор мы описывали обско-угорские данные в терминах синтаксических позиций (субъект, прямой объект, косвенный объект), семантических и морфосинтаксических ролей (агенс, пациенс, тема), ср. модель SAO [18]. С одной стороны, такое описание общепринято и интуитивно понятно. С другой стороны, оно не учитывает ряд проблемных случаев. Это побуждает нас искать альтернативные инструменты описания, которые позволили бы усовершенствовать описание.

В основе типологических исследований лежит поиск и классификация параметров, влияющих на употребление и дистрибуцию языковых форм. Параметрический подход работает на таких явлениях, как дифференцированное маркирование аргументов [33] или иерархическое глагольное согласование [34]. Как показано в работе A. Cooreman [16], подходит он и для описания залоговых категорий. Поэтому для адекватного описания обско-угорского залога в качестве основы для нашей модели мы будем использовать типологические параметры, а именно одушевлённость, волитивность/затронутость и референциальный статус, добавив к ним релевантный для обско-угорских языков параметр топикальности. Первые два параметра служат заменой семантическим ролям (в упрощённом виде волитивный участник = “агенс”, затронутый участник = “пациенс”), тогда как последние два отражают дискурсивный статус референта. Каждый параметр задаётся упрощённой шкалой из трёх значений, из которых релевантными условно считаются первые два (исключение: бинарный параметр затронутости). В аннотации примеров им соответствуют прописные буквы для первых значений и строчные для вторых. Аннотация участников производится в порядке их упоминания в предложении, для каждого участника без пробелов даётся совокупность всех первых и вторых значений, участники разделяются запятыми. Перечень обозначений по параметрам с расшифровками выглядит так (см. табл. 1):

Таблица 1.

Обозначения параметрической модели

Параметр	Иерархия	Нотация	Расшифровкаа
Одушевлённость	человек > животное > неодушевлённое	H > a > -	H – Human a – animate
Волитивность	намеренное действие > каузация > нет каузации	V > s > -	V – Volitional s – source
Затронутость	затронутый > незатронутый	A > -	A – Affected
Определённость	уникальный > референтный > нереферентный	U > r > -	U – Unique r – referential
Топикальность	топикальный > данный > новый	T > g > -	T – Topical g – given

Основной принцип модели состоит в том, что суммарный вклад параметров определяет степень салиентности референта, или выделенности в дискурсе. Салиентные референты в наибольшей степени влияют на развитие событий и обладают большой значимостью для говорящего. Им говорящий присваивает наиболее высокий синтаксический ранг, который складывается из кодирования различными средствами (падеж, порядок слов, согласование). К примеру, описывая ситуацию с одушевлённым и топикальным участником-агенсом, обладающим контролем, как ‘мальчики’ в (a), говорящий использует личное местоимение в номинативе с лично-числовым согласованием на глаголе. Если же агенс лишён некоторых свойств, например определённости и топикальности,

как ‘мальчики’ в (б), то используется пассивный залог. Номинатив и глагольное согласование получает уже пациенс ‘пирог’, который перевешивает по количеству и качеству параметров, а агенсу отводится периферийная роль.

(а) [Что сделали мальчики?]

Они съели пирог. **HVUT, aAr**

(б) [Что с пирогом?]

Он съеден мальчиками. **AUT, HV**

Как можно видеть из примеров, наглядное описание механизмов кодирования в предложении возможно без использования синтаксических позиций. Вместо этого мы рассматриваем конкретные средства кодирования, такие как падеж, глагольное согласование, выбор референциального выражения, позиция в клаузе и прочее. Термины «агенс»/«А-участник» и «пациенс» /«Р-участник», описывающие морфосинтаксические роли, используются для удобства восприятия и при желании могут быть опущены, поскольку разница между ними уже заложена в наличии/отсутствии семантических компонентов волитивности и затронутости. Принципиально в контексте нашей статьи то, что пассивный залог в сравнении с другими средствами работает в обратную сторону: он показывает, что наиболее высокий ранг имеет участник, лишённый V, в случае (б) это пациенс ‘он [пирог]’. Далее мы попробуем применить данную модель к обско-угорскому залогу, в том числе к примерам, приведённым в разделе 2.

В данной статье, как и в работах других исследователей, мы будем опираться на понимание ИС единиц по работам K. Lambrecht [27] и И. Николаевой [29]. По K. Lambrecht топик и фокус понимаются следующим образом. Топик – «то, о чём пропозиция»[4] [27, 118]), а фокус – «семантический компонент прагматически структурированной пропозиции, которым ассерция отличается от пресуппозиции» [27, 213]). В работе И. Николаевой [29] также вводится так называемый вторичный топик для описания топикального прямого объекта.

Анализ обско-угорских данных

1. Различие между участниками в сумме параметров

Согласно вышеизложенной модели, выбор залога зависит от различия между А- и Р-участником в сумме параметров. В случае, если она больше у А-участника, используется активная конструкция, в противном случае — пассивная. Рассмотрим две пары примеров (8, 9) и (10, 11). В (8) А-участник ‘я’ получает высшие значения по каждому из четырёх выделенных нами параметров, в то время как Р-участник ‘рыба’ имеет вторые значения по параметрам одушевлённости и референциального статуса, а также третьи значения по параметрам волитивности и топикальности. Суммарно Р-участник (1+2+1+0+0=4) очевидно “проигрывает” А-участнику (2+2+0+2+2=8), и мы наблюдаем активную конструкцию. Похожую картину мы наблюдаем и в (9).

МАНСИЙСКИЙ

(8) *am* *xūl* ***puw-s-um***
1SG рыба поймать-PST-1SG
‘Я поймал рыбу’. **HVUT, aAr**

ХАНТЫЙСКИЙ

(9) *min* *jiλpi* *pǫn* ***want-s-əmən***
МЫ.DU снова гымга смотреть-PST-1DU
‘Мы проверили гымгу (рыболовная снасть)[5]’. **HVUT, r**

В (10) ситуация обратная, хоть и разрыв между суммами параметров участников не такой большой. А-участник ‘менкв’ получает высшее значение по параметру волитивности и вторые значения по остальным параметрам (1+0+2+1+1=5), в то время как Р-участник ‘ты’ имеет высшие значения по трём из четырёх параметров (2+2+2+2+0=8). Поэтому используется пассивный залог. В (11) также мы видим употребление пассива, поскольку сумма параметров участника ‘огонь’ значительно больше, чем у участника ‘дождь’.

[4] Перевод наш, Д. Ж., Н. М.

[5] Сев. хант. корпус: «В Юильске», 9

МАНСИЙСКИЙ

(10) *mēŋkw-ən* ***juw=tē-we-n*** *ɛisup-ta*
менкв-LAT внутрь=есть-PASS[NPST]-2SG Чистоп-LOC
‘Менкв (фольклорный персонаж) съест тебя на Чистопе (назв. горы)[6]’. **aVrg, HAUT**

ХАНТЫЙСКИЙ

(11) *śi* *tŭt* *jɛrt-ən* ***xǫrət-s-a***
этот огонь дождь-LOC гасить-PST-PASS
‘Тот огонь дождём погашен[7]’. **AUT, s**

Эти примеры показывают, что выбор залога определяется степенью салиентности участников, которая выражается в сумме значений параметров. При этом в норме наиболее салиентный участник топикален, что соответствует описаниям пассива в литературе.

2. Различие между участниками в значении отдельных параметров

Рассмотрим случаи, в которых выбор залога определяется одним или двумя из перечисленных параметров, а именно одушевлённостью (2.1.), топикальностью и затронутостью (2.2.), топикальностью и референциальным статусом (2.3.).

2.1. Одушевлённость

Одушевлённость – один из важнейших и хорошо документированных типологических параметров вариативности залоговых конструкций. В частности, он влияет на выбор оформления участника в системах с дифференцированным маркированием прямого объекта [33], а также на выбор согласуемого участника в языках с иерархическим согласованием [34], ср. обсуждение маркирования прямого объекта в уральских языках [9]. Обычно одушевлённость представляется как бинарный признак либо как шкала от наиболее одушевлённых (людей) к наименее одушевлённым (массам и абстрактным сущностям).

В прототипических переходных контекстах с одушевлённым А-участником и неодушевлённым Р-участником, а также в контекстах с одушевлённым Р-участником ограничений на использование залоговых форм не наблюдается. Однако при неодушевлённом А-участнике в текстах почти исключительно встречается форма пассива (12).

ХАНТЫЙСКИЙ

(12) *xəp* *juxən* *śi* *xǫjλan* ***pǎr-at-λ-aj-ət***
осина LOC этот мужчина-EP-PL-2SGPL кончиться-CAUS-NPST-PASS
‘Воинов осиновая палка стала бить[8]’. **sr, Harg**

Поскольку в подобных контекстах А-участник часто также нетопикальный и нереферентный, возникает вопрос, влияет ли в данном случае именно одушевлённость или другие параметры. Для этого рассмотрим диалогический контекст из нашей анкеты (13, 14), в котором неодушевлённый субъект является топикальным и референтным. Мы видим, что пассив в данном случае обязателен как в мансийском, так и в хантыйском, что подтверждает влияние одушевлённости как самостоятельного параметра.

МАНСИЙСКИЙ

(13) *maša* *wōt-n* ***jol=pat-t-uwe-s***
Маша ветер-LAT вниз=упасть-TR-PASS-PST[3SG]
‘(Кого сбил ветер?) Ветер сбил Машу’. **HAUg, srT**

ХАНТЫЙСКИЙ

(14) *wot-ən* *maša-jen* *iλ* ***pawət-s-a***
ветер-LOC Маша-POSS.2SG вниз уронить-PST-PASS[3SG]
‘(Кого сбил ветер?) Ветер сбил Машу’. **srT, HAUg**

[6] Сев. манс. корпус: «Чистоп», 4
[7] Сев. хант. корпус: «Докучная сказка», 9
[8] Сев. хант. корпус: «Мальчик с той стороны», 121

Для хантыйского также фиксируются ограничения на использование активной конструкции в контекстах, где А-участник менее одушевлённый, чем Р-участник (напр. А-участник – животное, Р-участник – человек), см. (15).

ХАНТЫЙСКИЙ

(15) a. *ʔamp-en* *pet'a-j-əλ* ***tǫχm-əs***
собака-POSS.2SG Петя-EP-POSS.3SG кусать-PST[3SG]
Ожид.: (Кого укусила собака?) 'Собака укусила Петю'.
b. *pet'a-j-en* *amp-ən* ***tǫχəm-s-a***
Петя-EP-POSS.2SG собака-LOC кусать-PST-PASS[3SG]
(Кого укусила собака?) 'Собака укусила Петю'. **HAUg, aVUT**

Таким образом, более одушевлённые участники получают приоритет над менее одушевлёнными. При более одушевлённом А-участнике выбирается активная конструкция, тогда как при более одушевлённом Р-участнике используется пассив.

2.2. Топикальность и затронутость

Топикальность – одно из центральных понятий в исследованиях ИС. Во многих языках топикальность А и Р-участников является одним из основных параметров выбора залога. Так, при топикальном Р-участнике используется пассивная конструкция, а при топикальном А-участнике – активная. Это верно и для обско-угорских языков [26; 32; 10] со схожими рассуждениями о категориях темы и ремы (где тема примерно соответствует понятию топика, а рема – понятию фокуса). Так, в (16) позицию подлежащего занимает главный герой рассказа (основной топик), который оказывается унесён волком в лес.

МАНСИЙСКИЙ

(16) *ta* ***tot-we-s*** *wōr-ē-n*
PTCL нести-PASS-PST[3SG] лес-POSS.3SG-LAT
'И вот он унёс его в лес'.

Помимо топикальности, важным при изучении залоговых категорий оказывается затронутость, о которой говорят применительно к Р-участнику [15]. Затронутым считается тот участник, который претерпевает изменения в ходе описываемого события. Например, в ситуации «Петя ест хлеб» Р-участник 'хлеб' затронут событием, так как изменяет своё состояние, что нельзя сказать об участнике 'дерево' в «Вася видит дерево». Типологически чем более затронут Р-участник, тем более вероятно, что он станет подлежащим при пассиве, см. [35]. В некоторой степени это верно и для обско-угорских языков. Так, в (17) Р-участник олени получает небольшое преимущество перед А-участником волками за счёт затронутости и топикальности, поэтому используется пассивный залог.

ХАНТЫЙСКИЙ

(17) *śit-ət* *por-ti* *wɔj-n* *xolijewa* *xăś* *ănt* ***weλ-s-a-j-ət***
это-PL грызть-IPFV.PTCP зверь-LOC все чуть NEG убить-PST-PASS-EP-3PL
'Волки их [оленей] чуть всех не погубили[9]'. **aArT, aVr**

Затронутым может быть и косвенно связанное с ситуацией лицо, например посессор при пациенсе (18), либо совсем стороннее лицо (19). В подобных случаях говорят об адверсативных употреблениях пассива [31], ср. также [14] о проминентных посессорах. Так, за счёт параметра затронутости у посессора (обозначен через "+") у участника 'мой дом' в (18) имеет место перевес в значениях параметров, и используется пассив.

[9] Сев. хант. корпус: «На стойбище», 13

ХАНТЫЙСКИЙ

(18) *xɔt-ɛm* *xojat-ən* ***nox*** ***wu-s-i***
дом-1SG человек-LOC вверх брать-PST-PASS
‘Дом мой кто-то отобрал[10]’. **UT+A, HVr**

МАНСИЙСКИЙ

(19) а. *xājtnut-n* ***nēɣl-ap-awe-s-uw***
волк-LAT появиться-PFV-PASS-PST-1PL
‘(Мы пешком шли, чай пили в одном месте, и тут, когда немного осталось,) волки встретились нам (букв. ‘мы появились волком’)[11]’. **ar, HAUT**

Таким образом, пассивный залог в обско-угорских языках действительно во многом опирается на ИС в соответствии с выводами в [2; 20; 28]. При этом немаловажную роль играет параметр затронутости, который подкрепляет топикальность и позволяет повышать в синтаксическом статусе периферийных участников.

2.3. Топикальность и референциальный статус

Ещё одним значимым параметром является референциальный статус именной группы. Как и одушевлённость, он влияет на выбор форм при вариативном падежном маркировании и глагольном согласовании. Применительно к залогу значим референциальный статус А-участника, ср. условия употребления безлично-пассивных конструкций [23], а также выражение агенса при стативном пассиве [21]. Референциальный статус представляется как бинарная оппозиция определённых и неопределённых ИГ, ср. более дробное деление [7]. В уралистике рассматривается применительно к проблеме диференцированного маркирования прямого дополнения [9], а также имперсональному пассиву в прибалтийско-финских [24]. При описании пассива в обско-угорских языках данный параметр не отделяется от ИС, ср. [29] о топикальности и активированности.

Рассмотрим пару примеров (20, 21). Р-участники ‘стол’ и ‘чашка’ при глаголе ‘купить’ топикальны (Т), но не являются ни одушевлёнными, ни затронутыми. На их фоне одушевлённый (Н) и волитивный (V) А-участник имеет преимущество, что выражается в мансийском выбором активного залога. В хантыйском же выбор пассивного залога в аналогичном контексте выглядит, на первый взгляд, неожиданным.

МАНСИЙСКИЙ

(20) *ti* *pasan* *xot’ut* ***jowt-əs****?*
этот стол кто купить-PST[3SG]
‘Кто купил этот стол?’ **UT, HVr**

ХАНТЫЙСКИЙ

(21) *tăm* *an-en* *xuj-ən* ***wu-s-i****?*
этот чашка-POSS.2SG кто-LOC взять-PST-PASS[3SG]
‘Кто взял эту чашку?’. **UT, HVr**

Этому есть два возможных объяснения. С одной стороны, можно предположить, что топикальность (Т) в хантыйском имеет больший вес по сравнению с мансийским, что нуждается в дополнительном обосновании. С другой стороны, топикальность может подкрепляться каким-то другим параметром. В данном случае удобно считать, что таким параметром является именно референциальный статус (U > r), учитывая тот факт, что в казымском хантыйском, как видно из (21), определённость маркируется морфологически при помощи посессивного показателя второго лица, см. [3], что, по-видимому, косвенно указывает на особую роль референциального статуса в данном идиоме.

3. Глаголы с одним выраженным участником

Отдельную группу случаев составляют ситуации, когда пассив используется при двухместных глаголах с выраженным только Р-участником

[10] Сев. хант. корпус: «Бурундучок», 14
[11] Сев. манс. корпус: «Волки», 23

либо при одноместных глаголах, что связано с неволитивностью или затронутостью выраженного участника Так, в (22, 23) мы наблюдаем пассив от переходных глаголов, при которых А-участник опущен, поскольку он генерический (22) или неопределённый (23).

МАНСИЙСКИЙ
(22) *tuwəl* *os* *pūri* ***wār-awe***
потом ADD свадьба делать-PASS[NPST.3SG]
‘(...рассказ про Вороний день …. Ещё в семье праздник делают, когда рождается ребёнок) Потом ещё свадьбу делают[12]’. **r**

ХАНТЫЙСКИЙ
(23) *an* ***šŭkət-s-a*** / ****šŭkət-s-ət***
чашка ломать-PST-PASS[3SG] / ломать-PST-3PL
(Что случилось?) ‘Чашку разбили’. **Ar**

В примерах (25) и (26) мы можем увидеть ещё одну группу ситуаций – пассив с депонентными глаголами (passiva tantum). При некоторых из них возможно выражение лексически закреплённого А-участника, так, в пример (24) можно добавить именную группу *āɛirma-n* ‘холод-LAT’.

МАНСИЙСКИЙ
(24) *xot’ut* ***pol’-awe***
кто мёрзнуть-PASS[NPST.3SG]
‘Кто-то замёрз’. **HAr**

При других глаголах, как в (25), где уже одноместный глагол употребляется в пассивной конструкции, никакое подобное дополнение невозможно, и они оказываются крайне близки к стандартным непереходным (26).

ХАНТЫЙСКИЙ
(25) *xujat* ***maŋəntə-s-i***
кто.INDEF задремать-PST-PASS[3SG]
‘Кто-то задремал’. **HAr**

МАНСИЙСКИЙ
(26) *am* *xuj-ēɣ-um*
1SG спать-NPST-1SG
‘Я сплю’. **HUT**

Подводя итоги нашему анализу, сравним общепринятый ИС подход и предложенную нами параметрическую модель (см. табл. 2).

Таблица 2

Сравнение подходов к описанию залога

Контекст	ИС подход	Параметрическая модель
А уступает не-А по сумме параметров	А не соответствует роли основного топика	Не-А > А
А уступает не-А в топикальности		Не-А (Т) > А
А уступает не-А в одушевлённости	А не соответствует роли основного топика (?)	Не-А (Н/а) > А
Не -А затронут событием		Не-А (А) > А
А уступает не-А в определённости		Не-А (U) > А, только в хантыйском
Глаголы passiva tantum	-	Не-А (А)

Согласно ИС подходу, пассив используется, если основным топиком является не агенс, а другой участник. В узком смысле этот подход применим только к первым двум типам контекста, когда агенс как минимум уступает неагенсу в топикальности. В широком смысле можно говорить о том, что основной топик обязан быть одушевлённым определённым и затронутым событием, и отсутствие каждого из этих признаков у агенса ведёт к использованию пассива, но эксплицитно такое

[12] Сев. манс. корпус: «Праздники», 47

понимание в существующих подходах не проговаривается. Более того, ИС подход не применим к непереходным глаголам passiva tantum, использование которых не зависит от топикальности участников. В этом смысле параметрический подход имеет определённые преимущества и может быть в дальнейшем применён в исследовании залога в других обско-угорских диалектах и в типологии.

Обсуждение и заключение

В статье рассмотрен выбор залога в хантыйском и мансийском языках в зависимости от одушевлённости, волитивности, затронутости, референциального статуса и топикальности. Многофакторный анализ показывает, что выбор залога частично коррелирует с топикальностью участников, но при этом определяется общей суммой значений всех параметров. Такой подход к исследованию залога предпочтителен по сравнению с общепринятым подходом в терминах синтаксических позиций, семантических ролей и ИС, так как позволяет разрешить ряд проблемных для этого подхода случаев, не вписывающихся в этот подход. Анализ формализован в виде буквенной нотации примеров, отражающей преимущество одних участников над другими по сумме значений параметров.

Список условных сокращений

1, 2, 3 – лицо, ADD – аддитивная частица, CAUS – каузатив, DAT – датив, DU – двойственное число, EP – эпентетический согласный, INDEF – неопределённое местоимение, LAT – латив, LOC – локатив, NEG – отрицательная частица, NPST – непрошедшее время, PASS – пассив, PFV – перфектив, PL – множественное число, POSS – посессивный показатель, PST – прошедшее время, PTCL – дискурсивная частица, SG – единственное число, TR – транзитивизатор

Список источников и литературы

1. Жорник Д. О. Пассивный залог как один из компонентов выражения информационной структуры в мансийском языке: данные верхнелозьвинского диалекта // Урало-алтайские исследования. 2021. № 3(42). С. 33–42.

2. Кошкарева Н. Б. Коммуникативная парадигма хантыйского предложения // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 2002. № 12. С. 29–44.

3. Михайлов С. К. Почему хантыйские имена нуждаются в определённом артикле? // Пятнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 22–24 ноября 2018 г.) / отв. ред. Д. Ф. Мищенко. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 79–81.

4. Муравьёв Н. А. Адверсативный пассив от глаголов направленного движения в казымском диалекте хантыйского языка // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 201–219.

5. Муравьёв Н. А., Жорник Д. О. Залог в обско-угосрких языках: в поисках инструментов описания // Малые языки в большой лингвистике: сборник тезисов конференции. М.: Буки-Веди, 2021. Вып. 3. С. 10.

6. Мымрина Д. Ф. Активная и пассивная конструкции в хантыйском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. № 4. С. 95–98.

7. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. М.: Рипол Классик, 1985. 272 с.

8. Ромбандеева Е. И. Мансийский (вогульский) язык: Фонетика и морфология. М.: Наука, 1973. 208 с.

9. Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы / Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова, С. С. Сай, Е. Ю. Калинина. (ред.). М.: Языки славянских культур, 2012. С. 59–141.

10. Скрибник Е. К. Категории мансийского глагола и актуальное членение предложения // Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию проф. В. С. Храковского. М.: Знак, 2004. С. 445–458.

11. Соловар В. Н. Статальные элементарные простые предложения с пассивными формами глагольного сказуемого в казымском диалекте хантыйского языка // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. № 2. С. 91–98.

12. Соловар В. Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке: дис. … док. филол. наук. Йошкар-Ола, 2011. 449 с.

13. Черемисина М. И., Соловар В. Н. Залоговость, переходность, прямой объект в языках разных систем // Языки народов Сибири: грамматические исследования: сборник статей / ред. Е. И. Убрятова, М. И. Черемисина. Новосибирск: Наука, 1991. С. 66–84.

14. Bárány A., Bond O., Nikolaeva I. Prominent Internal Possessors. Oxford: Oxford University Press, 2019, 304 p.

15. Beavers J. On Affectedness // Natural Language & Linguistic Theory. 2011. №. 29 (2). Pp. 335–370.

16. Cooreman A. A functional analysis of passives in Chamorro narrative discourse // Research on Language & Social Interaction. 1984. Vol. 17. № 4. Pp. 395–428.

17. Däbritz C. L. Topik, Fokus und Informationsstatus: Modellierung am Material nordwestsibirischer Sprachen. Berlin: Walter de Gruyter, 2020. 366 p.

18. Dixon R. M. W. Ergativity. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 271 p.

19. É. Kiss K. Fused grammatical and discourse functions in Ob-Ugric: Case, agreement, passive // Arbeitspapier. 2019. Vol. 130. Pp. 163–174.

20. Filchenko A. Non-canonical agent-marking in Eastern Khanty: A functional-pragmatic perspective // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. 2005. Vol. 11. № 1. Pp. 29–40.

21. Gehrke B. Adjectival participles, event kind modification and pseudo-incorporation // Natural Language & Linguistic Theory. 2015. Vol. 33. № 3. Pp. 897–938.

22. Givón T. Topic continuity in discourse: A quantitative cross-language study. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1983. 492 p.

23. Goldberg A. E. Constructions: a construction grammar approach to argument structure. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 265 p.

24. Holvoet A. Impersonals and passives in Baltic and Finnic // The Circum-Baltic languages: An areal-typological approach. 2001. № 2. Pp. 363–390.

25. Honti L. Chrestomathia ostiacica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1986. 285 p.

26. Kulonen U. M. The Passive in Ob-Ugrian. Helsinki: Finno-Ugrian Society, 1989. 332 p.

27. Lambrecht K. Information structure and sentence form: topic focus and the mental representation of discourse referents. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 388 p.

28. Luraghi S., Inglese G., Kölligan D. The passive voice in ancient Indo-European languages: inflection, derivation, periphrastic verb forms // Folia Linguistica. 2021. Vol. 55. № s42–s2. Pp. 339–391.

29. Nikolaeva I. Secondary topic as a relation in information structure // Linguistics. 2001. Vol. 39. № 1. Pp. 1–50.

30. Shibatani M. Introduction // Passive and voice / M. Shibatani (ed.). Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1988. Pp. 1–8.

31. Shibatani M. An integrational approach to possessor raising, ethical datives, and adversative passives // Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. 1994. Vol. 20. № 1. Pp. 461–486.

32. Virtanen S. Transitivity in Eastern Mansi: An information structural approach. Helsinki: University of Helsinki, 2015. 63 p.

33. Witzlack-Makarevich A., Seržant I. A. Differential argument marking: Patterns of variation // Diachrony of differential argument marking. 2018. Vol. 19. Pp. 1–40.

34. Zuñiga F. Deixis and alignment: Inverse systems in indigenous languages of the Americas. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2006. 309 p.

35. Zúñiga F., Kittilä S. Grammatical voice. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 292 p.

References

1. Zhornik D. O. *Passivnyj zalog kak odin iz komponentov vyrazheniya informacionnoj struktury v mansijskom yazyke: dannye verhneloz'vinskogo dialekta* [Passive voice as one of the components of the expression of the information structure in the Mansi language: data from the Upper Lozva dialect]. *Uralo-altajskie issledovaniya* [Ural-Altai Studies], 2021, no. 3 (42), pp. 33–42. (In Russian)

2. Koshkareva N. B. *Kommunikativnaja paradigma hantyjskogo predlozhenija* [Communicative paradigm of a Khanty sentence]. *Jazyki korennyh narodov Sibiri* [Languages of indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo un-ta Publ., 2002. Vol. 12. pp. 29–44. (In Russian)

3. Mikhaylov S. K. *Pochemu hantyjskie imena nuzhdajutsja v opredelennom artikle?* [Why Khanty nouns need a definite article?]. *Pyatnadcataya Konferenciya po tipologii i grammatike dlya molodyh issledovatelej. Tezisy dokladov (Sankt-Peterburg, 22–24 noyabrya 2018 g.)* [Fifteenth Conference on Typology and Grammar for Young Researchers. Abstracts (Saint-Petersburg, 22–24 November, 2018)]. Ed. by D. F. Mishchenko. Saint Petersburg: ILS RAS Publ., 2018. pp. 79–81. (In Russian)

4. Muravyov N. A. *Adversativnyj passiv ot glagolov napravlennogo dvizheniya v kazymskom dialekte hantyjskogo yazyka* [Adversative passive from verbs of directed motion in the Kazym dialect of the Khanty language]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2022, no. 2, pp. 201–219. (In Russian)

5. Muravyov N. A., Zhornik D. O. *Zalog v obsko-ugosrkih yazykah: v poiskah instrumentov opisaniya* [Voice in the Ob-Ugric languages: in search of descriptive tools]. *Malye yazyki v bol'shoj lingvistike: sbornik tezisov konferencii* [Small languages in big linguistics: a collection of conference abstracts]. Moscow: Buki-Vedi Publ., 2021. Vol. 3, pp. 10. (In Russian)

6. Mymrina D. F. *Aktivnaja i passivnaja konstrukcii v hantyjskom jazyke* [Active and passive constructions in the Khanty language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University], 2005, no. 4, pp. 95–98. (In Russian)

7. Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'ju* [Utterance and its relation to reality]. Moscow: Ripol Klassik Publ., 1985. 272 p. (In Russian)

8. Rombandeeva E. I. *Mansiyskiy (vogul'skiy) yazyk: Fonetika i morfologiya* [Mansi (Vogul) language: Phonetics and morphology]. Moscow: Nauka Publ., 1973. 208 p. (In Russian)

9. Serdobolskaya N. V., Toldova S. Yu. *Differencirovannoe markirovanie prjamogo dopolnenija v finno-ugorskih jazykah* [Differential marking of a direct object in the Finno-Ugric languages]. N. V. Serdobolskaya, S. Yu. Toldova, S. S. Say, E. Yu. Kalinina. *Finno-ugorskie jazyki: Fragmenty grammaticheskogo opisanija. Formal'nyj i funkcional'nyj podhody* [Finno-Ugric languages: Fragments of a grammatical description. Formal and functional approaches]. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur Publ., 2012. pp. 59–141. (In Russian)

10. Skribnik E. K. *Kategorii mansiyskogo glagola i aktual'noe chlenenie predlozheniya* [Categories of a Mansi verb and the actual division of a sentence]. *Tipologicheskie obosnovaniya v grammatike. K 70-letiyu prof. V. S. Khrakovskogo* [Typological substantiations in grammar. To the 70th anniversary of professor V. S. Khrakovsky]. Moscow: Znak Publ., 2004. pp. 445–458. (In Russian)

11. Solovar V. N. *Statal'nye jelementarnye prostye predlozhenija s passivnymi formami glagol'nogo skazuemogo v kazymskom dialekte hantyjskogo jazyka* [Statal elementary simple sentences with passive verbal predicate forms in the Kazym Khanty language]. *Vestnik NGU. Serija: Istorija, filologija* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 2010, no. 9 (2), pp. 91–98. (In Russian)

12. Solovar V. N. *Paradigma prostogo predlozhenija v hantyjskom jazyke* [Paradigm of a simple sentence in the Khanty language]. Yoshkar-Ola, 2011. 449 p. (In Russian)

13. Cheremisina M. I., Solovar V. N. *Zalogovost', perehodnost', prjamoj objekt v jazykah raznyh sistem* [Voice, transitivity, direct object in languages of different systems]. *Jazyki narodov Sibiri: grammaticheskie issledovanija: sbornik statej* [Languages of the peoples of Siberia: grammatical studies: collection of articles]. Ed. by E. I. Ubryatova, M. I. Cheremisina. Novosibirsk: Nauka Publ., 1991. pp. 66–84. (In Russian)

14. Bárány A., Bond O., Nikolaeva I. *Prominent Internal Possessors*. Oxford: Oxford University Press, 2019. 304 p. (In English)

15. Beavers J. On Affectedness. *Natural Language & Linguistic Theory*, 2011, no. 29 (2), pp. 335–370. (In English)

16. Cooreman A. A functional analysis of passives in chamorro narrative discourse. *Research on Language & Social Interaction*, 1984, no. 17 (4), pp. 395–428. (In English)

17. Däbritz C. L. *Topik, Fokus und Informationsstatus: Modellierung am Material nordwestsibirischer Sprachen*. Berlin: Walter de Gruyter, 2020. 366 p. (In German)

18. Dixon R. M. W. *Ergativity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 271 p. (In English)

19. É. Kiss K. Fused grammatical and discourse functions in Ob-Ugric: Case, agreement, passive. *Arbeitspapier*, 2019, no. 130, pp. 163–174. (In English)

20. Filchenko A. Non-canonical agent-marking in Eastern Khanty: A functional-pragmatic perspective. *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*, 2005, no. 11 (1), pp. 29–40. (In English)

21. Gehrke B. Adjectival participles, event kind modification and pseudo-incorporation. *Natural Language & Linguistic Theory*, 2015, no. 33 (3), pp. 897–938. (In English)

22. Givón T. *Topic continuity in discourse: A quantitative cross-language study*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1983. 492 p. (In English)

23. Goldberg A. E. *Constructions: a construction grammar approach to argument structure*. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 265 p. (In English)

24. Holvoet A. Impersonals and passives in Baltic and Finnic. *The Circum-Baltic languages: An areal-typological approach*, 2001, no. 2, pp. 363–390. (In English)

25. Honti L. *Chrestomathia ostiacica*. Budapest: Tankönyvkiadó, 1986. 285 p. (In English)

26. Kulonen U. M. *The Passive in Ob-Ugrian*. Helsinki: Finno-Ugrian Society, 1989. 332 p. (In English)

27. Lambrecht K. *Information structure and sentence form: topic focus and the mental representation of discourse referents*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 388 p. (In English)

28. Luraghi S., Inglese G., Kölligan D. The passive voice in ancient Indo-European languages: inflection, derivation, periphrastic verb forms. *Folia Linguistica*, 2021, no. 55 (s42–s2), pp. 339–391. (In English)

29. Nikolaeva I. Secondary topic as a relation in information structure. *Linguistics*, 2001, no. 39 (1), pp. 1–50. (In English)

30. Shibatani M. Introduction. *Passive and voice*. M. Shibatani (ed.). Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1988. pp. 1–8. (In English)

31. Shibatani M. An integrational approach to possessor raising, ethical datives, and adversative passives. *Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 1994, no. 20 (1), pp. 461–486. (In English)

32. Virtanen S. *Transitivity in Eastern Mansi: An information structural approach*. Helsinki: University of Helsinki, 2015. 63 p. (In English)

33. Witzlack-Makarevich A., Seržant I. A. Differential argument marking: Patterns of variation. *Diachrony of differential argument marking*, 2018, no. 19, pp. 1–40. (In English)

34. Zuñiga F. *Deixis and alignment: Inverse systems in indigenous languages of the Americas*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2006. 309 p. (In English)

35. Zúñiga F., Kittilä S. *Grammatical voice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 292 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Муравьёв Никита Алексеевич, научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20), кандидат филологических наук.
nikita.muraviev@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9586-5928

Жорник Дарья Олеговна, научный сотрудник, Институт Языкознания Российской академии наук (125009, г. Москва, Большой Кисловский переулок, д. 1 стр. 1), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
daria.zhornik@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6463-2547

ABOUT THE AUTHORS

Muravyov Nikita Alekseevich, Researcher, National Research University “Higher School of Economics” (101000, Russian Federation, Moscow, Myasnitskaya St., 20), Candidate of Philological Sciences.
nikita.muraviev@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9586-5928

Zhornik Darya Olegovna, Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (101000, Russian Federation, Moscow, Bolshoy Kislovskiy Lane, 1/1); National Research University “Higher School of Economics”.
daria.zhornik@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6463-2547